В ПАМЯТИ БЕРЕЖНО, БЕРЕЖНО ВСТРЕЧИ ХРАНЯ...

К ЗАВЕРШЕНИЮ ГАСТРОЛЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКОЙ

С[illegible] из бродило по [illegible] военным дорогам, исстрадавшиеся, [illegible] едущих [illegible]. За спиной в машине у них были вещи, извлеченные [illegible] из заветных сундуков, а [illegible], на [illegible] годам серьезных глазах светилась надежда, что состоится, наконец, долгожданная мена, и удачливыми кормильцами они вернутся домой.

Вот постучались в чужие двери двое таких странников — [illegible] девушка-школьница и паренек, такой же, как и она, [illegible], но от [illegible] ответственности за самую дорогую в целом свете спутницу решительный, порывистый и потому еще более трогательный. Прямо скажем, героям нашим очень повезло, они попали к хорошим людям. И вот обласканные, накормленные сидят за столом и [illegible], торопясь, наперебой [illegible] [illegible] все события своей небольшой жизни. И паренек, [illegible], тут же предлагает в обмен за кукурузу, [illegible] еще громче [illegible] свой театр — [illegible]ное пальто, единственную память об отце...

Кажется, минут 15, не больше, идет эта сцена в спектакле «Если б небо было зеркалом», а вы сидите, [illegible] и [illegible] [illegible]. Сидите позабыв, что вы в театре, слушаете; боясь пропустить хоть одно слово, и слышите что-то еще помимо фраз, сказанных актерами, что-то свое, личное, пережитое, незабываемое. И [illegible] не хочется вам расставаться с этим добрым старым дедушкой Бабиле (засл. артист РСФСР И. Дмитриев), у которого война отняла обоих сыновей.

Но — увы — даже [illegible] отличные сцены в спектаклях когда-то кончаются. Потом долгие годы мы бережем их в памяти, в сердце своем, а [illegible] неумолимо сдвигается занавес... Пока гремели аплодисменты, [illegible] вспомнился другой [illegible], [illegible] на дорогах войны. Он был [illegible] дяди Бабиле, [illegible] выправкой, [illegible] и [illegible] громко, действовал решительно, [illegible], вел себя, как и положено солдату, возвратившемуся с фронта. Таким 17 лет назад сыграл Константина Бабашкина в спектакле «Три солдата» тогда еще начинающий актер И. Дмитриев.

[illegible] «Блиндажный» (так называли этот театр, созданный в голодном 1942 году) потеряется в многообразии, которое, [illegible] предлагалось на выбор зрителю.

[illegible]

[illegible] [illegible] декорации, [illegible] был слушал, [illegible] выходила [illegible]. [illegible] [illegible] задушевные, дворовые, грустные — все [illegible] сопровождала [illegible]. [illegible] [illegible] той поры, когда со сцены чаще раздавались призывы, [illegible] [illegible] обличения. [illegible] [illegible] [illegible]ась атмосфера искренности и [illegible].

Почему же именно та пьеса о послевоенной деревне вспомнилась мне уже в первый вечер новой встречи с театром? Казалось бы, наоборот, легче назвать то, в чем работа коллектива семнадцатилетней давности проигрывает по сравнению со спектаклем «Если б небо было зеркалом». [illegible], эта пьеса, [illegible] по мотивам известной повести Нодара Думбадзе, значительно интереснее и ярче, приемы режиссера Р. С. Агамирзяна современны и оригинальны, наконец, оформление художника А. Ф. Григорьянца экономно и предельно образно и нисколько не похоже на массивные, тяжелые декорации прошлых лет. Но тем не менее что-то неуловимо напоминает тот давний спектакль. Я думаю, [illegible] дело здесь в тональности, которую предпочитает избрать театр для разговора со зрителем.

Понятно, что одну и ту же пьесу можно, как говорится, «разыграть по разным нотам». Например, главный акцент сделан на сценах героических, пафосных: герой подан выпукло, ярко, слово [illegible] [illegible]. Или — совсем иное — в той же пьесе театр находит лирическую, задушевную интонацию, не спешит возвеличивать героя (пусть это сделают сами зрители!), а [illegible] всего стремится [illegible] каждого, кто сидит в зале, вовлечь в общий искренний разговор, раздумье. Конечно, ни в одном [illegible]ом толковом театральном справочнике не прочитаем, мы, какой же путь вернее. Разные художники в разных обстоятельствах выбирают именно тот, что ближе их собственному видению мира, их творческой манере. Можно только порадоваться, что в этом театре стала традицией возникшая еще в послевоенные годы тяга к спектаклю лирическому, эмоциональному, где, как в [illegible] жизни, тесно сплетаются улыбки и [illegible], песня и горе, где [illegible] очень мало [illegible] и очень многое предстоит [illegible] додумать и решить самому. Режиссер и актеры свою задачу видят в том, чтобы героев спектакля зрители [illegible], чтобы [illegible] [illegible], чтобы в зале не оставалось равнодушных. В этом убеждают [illegible] [illegible] можно сказать, программными работами коллектива, показанными в Иркутске.

Уже в самом выборе драматургического материала ощущается стремление к эмоционально насыщенному спектаклю: лирическая драма, народная комедия, пьеса, построенная на глубоко личной переписке А. П. Чехова. Как видим, театр, еще намечая план будущей работы, старается уйти от академизма и высокие задачи воспитания гражданственности решать [illegible] [illegible].

Отсюда же и увлечение комедией. Это — второе после лирических пьес пристрастие театра имени В. Ф. Комиссаржевской, второй компонент его творческого лица.

Приходилось по этому поводу слышать недоуменные вопросы: а нужна ли театру такая многоплановость? Думаю, что сомнения неправомерны: широта творческого диапазона лишь делает честь коллективу. Тем более, что работа в жанре комедии принесла за многие годы немало серьезных удач. Есть они и сегодня — например, «Господин Пунтила и его слуга Матти».

И все же заметный комедийный акцент в гастрольном репертуаре позволяет высказать опасение: не являю[illegible] [illegible] ли отдельные работы в этом жанре обязательной данью так называемым «кассовым» спектаклям? Между тем, опыт самого театра, который не мог пожаловаться на невнимание иркутского зрителя, показал, что самым кассовым на поверку оказывался попросту лучший спектакль. Так нужно ли тратить время и артистический запал на пьесы бойкие, веселые, но откровенно бездушные?

КОНЕЧНО, в том, что театр имени В. Ф. Комиссаржевской сегодня на подъеме, что ряд его спектаклей стал [illegible] [illegible] в театральной жизни страны, немалая заслуга главного режиссера Р. С. Агамирзяна, несколько лет проработавшего вместе с народным артистом СССР Г. А. Товстоноговым, а ныне в своей самостоятельной режиссерской практике воплощающего те же принципы. Но, разумеется, ни о каком успехе не могло идти речи без одаренных, самобытных актеров.

В свое время мне доводилось видеть игру известной в Ленинграде артистки Галины Короткевич, тогда выступавшей в театре имени Ленсовета. Ее Надежда Корова в лирической комедии В. Гусева «[illegible] в [illegible]», Нора в популярной драме Г. Ибсена [illegible]помнились решительными и [illegible]новременно обаятельными, женственными, легко ранимыми. Нелегко после этого было представить себе артистку в роли пресытившейся богатством, беспардонной Эпифании в комедии Б. Шоу «Миллионерша». Кстати, трактовка режиссером А. Белинским этой комедии мне показалась спорной: полная блестяще остроумных ситуаций пьеса Шоу, великого мастера на [illegible] [illegible]ные оттенки и нюансы, решена однозначно, в тоне нарочитого гротеска, фарса. Но в рамках такого режиссерского прочтения пьесы Г. Короткевич играет отлично. Это какой-то великолепный каскад актерской техники: отточенный жест, продуманные интонации, мимика, походка, даже спортивные и цирковые приемы — все это буквально ошеломляет. Недаром «Миллионерша» прошла уже 500 раз и всегда под бурные аплодисменты.

О работах актеров старшего поколения — И. Дмитриева, М. Самойлова, В. Чемберг, С. Поначевского и других — уже писалось. Хочется сказать еще о Н. Боярском — мастере небольшого яркого, динамичного образа. Вспомните, как в школе маленького грузинского села появляется новый педагог, уже отвоевавший свое, Леван Гурмиладзе. Бывалый солдат, слегка развязный, острый на язык, он свысока держится с учениками. И вдруг (заметьте, автор и режиссер выделили на это считанные мгновения) он узнает, что школьница Хатия учится, несмотря на слепоту! Такое сразу на наших глазах меняет человека — Н. Боярский здесь удивительно достоверен психологически.

Особой похвалы заслуживает молодое поколение артистов. Все они обладают хорошей техникой, пластичны, музыкальны, отлично чувствуют темп. Как часто начинающие, выступив удачно в первой большой роли, механически переносят в следующие работы отдельные «получившиеся» приемы. Молодые в театре имени В. Ф. Комиссаржевской счастливо избежали этой опасности. Наоборот, их творчество привлекает, прежде всего, свежестью красок в каждой роли. После встречи с юным мечтателем Нодаром, которого В. Особик играет по-мальчишески непринужденно, чисто, без единой фальшивой ноты, мне уже на следующий день случилось увидеть его в спектакле «[illegible]» [illegible] [illegible]шившее мое счастье» и подивиться, как зрело, с высокой гражданственностью вел он совершенно иную по духу роль от [illegible].

А как несхожи и сложны образы, созданные А. Анисимовым: Бежан — мудрый дурачок, ласковый, мягкий, непосредственный, как дитя, ни секунды не остающийся без движения, всегда улыбающийся и всегда несчастный. И Матти — внешне неторопливый, хотя и расторопный, работник с хитрецой, себе на уме, но человек цельный, честный, сильный, которого не провести классовому врагу. Так же [illegible] работы Е. Акуличевой: от Лики Мизиновой — нежной, тонкой души, обаятельной, интеллектуальной неудачницы, мимо которой прошла большая любовь Чехова, до Евы — избалованной, эгоистичной индюшки, которой куда как все осточертело в богатом папашином доме.

ИТАК, в Иркутске заканчиваются первые (и хочется верить — не последние!) гастроли ленинградского театра. Потом долгие годы мы будем беречь в памяти лучшее, что привезли на Ангару артисты великого города на Неве. А сегодня занавес неумолимо сдвигается в последний раз...

А. ГЕРМАШ.